

Андрей Дмитриев — Нижний Новгород, редактор отдела экономики газеты «Земля нижегородская». Член Союза журналистов РФ. Автор сборников стихов «Рай для бездомных собак», «Орнитология воды» и «Африкаснег», участник коллективного сборника «Настоящие» из серии «Нижегородское собрание сочинений». Публиковал поэзию и прозу в журналах «Нева», «Гвидеон», «Слово Word» «Журнал ПОэтов», «Зарубежные Задворки», «Европейская словесность», «Нижний Новгород» и других. Лауреат премии имени Бориса Пильника (2010 г.). Шорт-лист XIV Открытого Международного Волошинского конкурса (2016 г.), шорт-лист IV Международного арт-фестиваля «Провинция у моря-2014», дипломант межрегионального конкурса «Наймалы» (2014 г.) и международного конкурса «Мирсконца-2015», проводимых музеем В. Хлебникова в Астрахани, лонг-лист международного интернет-конкурса «Эмигрантская лира-2015».

Когда-то курили «Беломор»,
но, глядя на топографическую пачку,
представляли древесный взмах, северный коленкор,
а не кости тех, кем был до них сухо оплачен
этот праздник прогресса — с осторожным приветом к нам
улетевшим в трубу разгоряченной жизни,
где даже Максиму Горькому шлёпала по губам
святая пошлятина. И вот — проржавленным механизмом
снова скрежещет старая песня. Красное мясо в глазах —
пережёвано воздухом с примесью углеродистой стали,
хлопают-хлопают — колет выпавшая ресничка, но вновь нельзя
извлечь эту злую занозу. Взовьются кострами
дети порочных связей, дети рабочих версий установочных программ.
Папиросы «Беломорканал» — забиваются пухом и прахом,
ах, как сладок дымок — дым Отечества, отчеств, отцов. За край
горизонта — падает солнце —
красное, как задница после солдатской бляхи
отчима. Где-то — Белое море по смыслу должно быть
похоже на молоко,
но прежней бурёнки давно пересохло вымя,
и скотник положенный срок — в количестве сорока сороков —
не пережил, и не он эту вилку из чёрной розетки вынул.

Тенью призрачной прошлое вниз скользит
по шершавой стене равностороннего дома,
в котором живут люди, в мир плывущие то через Тильзит,
а то через Кенигсберг на плоту — да, на маленьком плоту —
мякоть батона
считая всему головой. Достает «беломорину» память, катает в пальцах,
приминая костную пыль, чтоб тянулось легче сквозь частокол зубов.
Это — не мы, ну, конечно, не мы — это с далёкой звезды
прискакали зайцы
и прогрызли в нас «Беломорканал», бога лова на слабо...

30.03.2016 г.

Мимо ходящий прямо, прямоходящий — мимо.
 Это — нарисованная улыбка мима.
 Город — в вазе собственного звона —
 груди попорченных фруктов, но сок — цвета золота —
 каплет с надкушенной стороны.
 Задели локтем — яблоко уронил.
 По тротуару — вдоль анфилад — восклицательным знаком,
 когда палец задержан на клавише, и строчка ползёт с одинаковым
 интервалом. Меняешь на вопросительный
 при виде чего-то вышедшего за рамки, из зрителя
 превращаясь в созерцателя —
 вот и опять восклицательный...

Ходили-ходили — вспоминали истории
 про город и про себя, хотя про себя — не стоило б.
 Шарик — догоняли ролики
 в распахнутой голове, из которой — выскочил кролик,
 потом выпорхнул голубь, потом — показалась рука,
 держащая письмо — от меня к тебе, наверняка.

В стёклах — в мембранах весенних динамиков —
 песни пространств отразились, где в куплетах — редеет армия
 безликих теней под огнём не зенитного, но в зените солнца.
 И нам подпевать придётся.

В кулаке — билет на трамвай. Почему-то не выкинул
 в урну — решил сохранить улики.
 Прямо, прямо, потом налево и снова — прямо.
 Будто маршрут до Альдебарана,
 начерченный в виде кардиограммы —
 вроде как, от всего сердца. В кармане
 мелочь — позвякивает. Так бубенец шута
 говорит, не шутя, что смыслом грозит нищета.
 А в витрине игрушечная собака вылизывает щенка...

24.04.2016 г.

Роберт — такой одинокий,
к тому ж — у него одно око,
другое потеряно далёко-далёко —
вытекло в пыль, в подножные мхи.
Вдвое меньше теперь чепухи
видит Роберт, но он одинок —
единственным глазом глядит в потолок
в безлюдной квартире на окраине, где водосток,
когда небо — лавина, трещит жестяным хребтом,
становясь для воды лифтом или метро,
где луна — то обглоданный сыр, то стухший желток.

Хозяйка квартиры — старушка, на вид — лет сто,
всё время — во всём самом простом,
вся — из папье-маше, обёрнута берестой.
В конце месяца — приходит за мздой —
скребётся, как мышь, в дверь с отключённым звонком,
вкатывается в прихожую маленьким узелком:
внучок — хочет есть и пить, дешёвым пропах табаком,
слышит колокол — да уже не помнит по ком —
уж ты, одноглазенький, доставай свой тощий кошель.
Пальцы — похожие на мышей —
хватают бумажки мятые и прячут в щель
потайных карманов. И вновь тихо на этаже —
ах, если б так на душе...

Роберт ходит работать грузчиком в магазин —
поэтому ещё и снаружи в грязи,
но то, что не смоев вода — ототрёт бензин.
Роберт по пятницам — ни в одном глазу,
ведь и в одном — вином не разжечь звезду.
Сбросив кожу на шаткий стул,
вечерами он космосу — божий сын,
который пришёл и уйдёт один,
неся себя на весу.

Там, где вытек потерянный глаз,
должно быть, солнце встаёт сейчас —
огромное око, видящее всех нас —
испугавшихся тьмы, одиночества, смерти и пустоты.
Роберт лёг на кровать — и навёл к тому солнцу мосты.

01.09.2016 г. (Новый Афон, Абхазия)

Травинка к травинке — вот и поле,
 вот и живопись, вот и формула роста,
 перечёркнутая увяданием, вот и презумпция воли,
 изложенная так просто,
 что не нуждается в переводе.
 Одетый не по погоде,
 выходишь на улицу, где над газоном — дымка,
 туман, в котором прячутся тени
 уже погибших растений.
 Впрочем, звучит как-то дико.

Припаркованные машины —
 тоже похожи на вымерших ящеров,
 застывших в собственном холоде. Живы
 только вороны и голуби — оставшиеся в настоящем
 свидетелями потерь.
 «Верь», —
 говорит красный крест на борту «Скорой помощи».
 Я — верю, это единственное, что остаётся
 в полумраке дворов, выходящих на ларёк «Овоци»
 или на остановку, где мимо — колёса —
 будто монеты предлагают на выбор —
 орёл или решка.
 Это, конечно, —
 лишь метафора.
 Президент поднимает со дна амфору
 царским жестом для телекамер,
 но думаешь не о нём, а об эллинах,
 что веками
 изучали наш берег, но сели
 в триеру забвения на мели —
 порой вспоминал какой-нибудь акмеист
 для классической строчки,
 и вот теперь я заполняю прочерк...

Что-то меняется в составе воздуха.
 Вероятно — грядёт простуда.
 Это такая сезонная слабость. Отзвуком
 чашки разбитой — донёсшийся даже досюда —
 кажется звон связки ключей
 в кармане потрёпанных джинсов.

Устав от долгих речей,
мозг хочет в пушистый
покой тишины, но он случится не скоро.
Лист объявления — сорван и скомкан,
лежит рядом с урной —
почти культурно.

А травинка с травинкой — ещё в союзе,
ещё благословенны их узы,
хоть и примяты подошвой
сорок второго размера. «Ну что ж вы
смотрите на всполохи бурой травы,
как в огонь прометеев — увы,
миф этот придумал не эллин», —
скажет интеллигентная бабушка —
по виду в прошлом учитель, поправляя белый
свой шарфик. Пора бы уж нам,
и правда, самим учиться искусству
этот чай травяной готовить вкусно...

26.09.2016 г.

Мы родились в дерюге —
в рубашке, истлевшей заранее —
но нашему зябкому телу — де-юре
новорождённому, де-факто уже израненному —
это стало последней защитой.
В прорехах — сквозил январь,
и в том, что они не зашиты —
была роковая канва —
однако на босу душу
и этот отрез ветхой ткани
тепла — хоть немного да ссуживал
ниточными руками...

Ветер — выл над роддомом,
в стёкла — вмерзало небо.
За материнским стоном —
к небу тянулись вербы —
чёрные, тонкие жилы,
ждушие, что вот-вот из почек —
вырвется возглас жизни,
и оборвётся прочерк.

Мы родились — спонтанно,
как вопреки грубой воли
хищных своих обстоятельств. Стали
сгустками первой боли,
позже — пристальным слухом и взором,
сердцем, стучащимся в двери,
полем вопросов со всходами скорыми
своих же ответов неверных.

Грей, грей, простая дерюга —
ставшая кожей нашей.
Мы говорим друг другу,
что родились в рубашке.
Мы изучаем друг друга
по новым прорехам рубашки.

16.01.2017 г.